

НАШЕ ДЕЛО

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА
ОДНА копѣйка

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ ОДЕССѢ		Для иногороднихъ	
На 1 мѣсяць . . .	— р. 35 к.	На 1 мѣсяць . . .	— р. 45 к.
„ 3 мѣсяца . . .	— р. 90 к.	„ 3 мѣсяца . . .	1 р. 20 к.
„ 6 мѣсяцевъ . .	1 р. 75 к.	„ 6 мѣсяцевъ . .	2 р. 25 к.
„ 12 мѣсяцевъ . .	3 р. 50 к.	„ 12 мѣсяцевъ . .	4 р. 50 к.

РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ Александровскій проспектъ 15.
КОНТОРА ГАЗЕТЫ ул. Жуковскаго, 12. Тел. № 34-75.

Плата за объявленія:

Впереди текста **30** коп. за строку петита, позади—**15** коп. Годичныя и мѣсячныя объявленія по соглашенію. Для ищущихъ занятій—**15** коп. за объявленіе въ 4 строки на 4-й страницѣ.

**ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ, и ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.**

Пріемъ объявленій въ конторѣ газеты ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней отъ 10 час. утра до 7 час. веч.

Отблески.

Итоги чеховской недели.

Сегодня въ „Салонѣ“ чеховскій вечеръ.

Нельзя не пожалѣть, что память покойнаго пѣвца „Чайки“ чествуютъ у насъ въ Одессѣ съ нѣкоторымъ опозданіемъ.

Но Чехова никогда не будетъ поздно чествовать.

Въ томъ и обаятельность и гипнозъ его творчества на насъ, что вспомнивъ о немъ въ дни мертвящей скуки и торжествующей пошлости, мы безочетно влечемся къ нему и ищемъ въ немъ радости и утѣшенія.

Просматривая столичныя и провинціальныя газеты, посвятившія его 50 лѣтію спеціальныя статьи, очерки и воспоминанія, поражаешься единодушному и любовному порыву мыслящаго русскаго общества преклониться передъ своимъ національнымъ гениемъ.

Подобно тому, какъ 80-лѣтіе яснополянскаго старца всѣхъ объединило въ его скорбномъ и мятежномъ „Не могу молчать“, чеховское 50 лѣтіе разбудило въ насъ неизбывную грусть объ угасшихъ надеждахъ и воодушевило всѣхъ насъ лучезарной мечтой о новомъ грядущемъ исходѣ.

Есть какая-то внутренняя и неразрывная связь между нашей жизнью и ея вдохновенными пѣвцами.

Когда молчать становится не въ моготу, она заставляетъ громко звучать голосъ патріарха русской литературы.

Когда жить становится тяжело и не хочется жить, она откапываетъ въ литературномъ наслѣдіи пѣвца безнадежности радостную мечту и надежду, что жить можно, что жить надо.

Въ мрачномъ тупикѣ безвременья, на кладбищахъ русской жизни мы застыли въ неподвижности, зачарованные буднями и безначаліемъ.

Но вотъ пришелъ Чеховъ, не какой-нибудь фантастъ и не романтикъ, а беспощадный изобразитель будничности и безначалія—и все вокругъ него ожило, засвѣтилось огнями, поднялись къ солнцу помятые цвѣты, и опустѣвшіе русскіе сады вновь раскрасились пышными розами.

Епиходовщина, „скучная исторія“, унылый лейтмотивъ ивановской трагедіи—все это воскресло въ нашей памяти, но затѣмъ только, чтобы вызвать къ жизни инныя чувства, инныя порывы, быть можетъ, печаль, но острую и жгучую печаль, вслѣдъ за которой уже идетъ радость жизни.

И становится до боли понятнымъ и неопределимымъ пророчество Гаршина, который писалъ:

„Родина мать, стenanія дѣтей, погибшихъ для тебя среди глухихъ степей, вспомнутся чрезъ много лѣтъ, въ день грозныхъ бѣдъ“... Уже вспоминаются...

Баронъ МАНФРЕДЪ.